

Уходя из дома Сергея Илюнина, мы перебрасывались репликами. — Ишь, какой серьезный этот Сергей Александрович, — сказал один из нас. — Ни разу во время разговора не улыбнулся. — А чего улыбаться, — в шутку откликнулся второй, — если у тебя в комнате целый погост. — Нет, — возразил третий. — Это для красоты сделано.

Насколько знаю, к чучелам животных отношение у людей двойственное. Особенно у защитников природы.

Вроде ведь и бытие облику продлено, а все же — вроде надгробного изваяния, есть тут какая-то печаль.

Но это когда чучело громоздится, как учебное пособие, укреплено статично. Илюнин же виртуозно избежал неподвижности, словно бы вдохнул жизнь в своих пернатых.

Все его птицы — летят. Динамика поразительная, и ни о какой печали не думаешь.

Просто любишь.

Вот три совы распластали крылья вокруг добычи. Две будто отнимают ее у третьей.

— Постепенно родилось. Принесли мне сычка, под машину попал, ведь трасса рядом. Ну, сделал с мышонком в когтях, а через год ушастую приносят, тоже из-под колеса. Потом еще сыча... Так и получилась целая композиция.

Между окон в бредущем полете два голубых свиза.

— Они такие голубые только весной. А вот еще чирок-трескунок, тоже весенний. И надбровья, и косицы появились нарядные... А обычно он серенький.

Хохлатая черныш в углу словно торжествует, обгоняя увесистого гуся, вальдшнепы дивятся перламутровому, словно неоновому зимородку.

Сквозь форточку с улицы заглядывают, будто безбилетная детвора в кино-театр, живые синицы.

А внизу, задрав мордашки, переглядываются барсук с енотом, да лиса с кабаном, да белка с зайцем. Со стены еще олени косятся, один вообще с бархатными пантами.

— Что труднее делать, зверя или птицу?

— Птицу, конечно. Шкурку заштопать, постирать можно, а перо уже не простирнешь. Возишься, возишься с этим комком пуха...

— И надо это вам?

— Да кто его знает. С десяти

ПОЛЕТЫ У ОКНА

отпрыски по твоим стопам шли.

Тем более что сам он по своему увлечению тоже с ума не сходит, относится к нему просто, как к обычному хобби. Один

вот так фотографией занимается, другой грибами или удочками.

А у него — чучела.

Он и истории никакой памятной, чтобы нас позабавить, не вспомнил.

— Трудно ему форму было придать... — только и сказал про енота, хулигански блеснувшего пуговичным глазом.

И все же ощущение волшебства осталось прочным. Десятки птиц — от широконосов до кедровок — закладывали под потолок свой неподвижно-неповторимый вираж. Косуля склонилась над пластилиновым грибокком...

Никакой музейной казенности, добрая живая сказка. Зачем она?

Значит, человеку и правда это очень надо. Единственному на многотысячный город.

Внезапно поняв это, мы на минуту почувствовали себя тоже чучелами.

Юрий ОНОПРИЕНКО.

Фото

Виктора БАЛАКИНА.

г. Мценск.

лет начал. Совенка раненого подобрал, он у меня в саду на яблоньке все лето жил, но к зиме умер. Так жалко было... Ну и сделал чучело. А теперь все прознали, несут битых, мятых.

— Сколько чучел сделали?

— За тысячу. Раздаю: тут же, в комнате, не уместить.

Сергей к природе относится без надменности, но и без пietetа. По образованию зооинженер, по работе учитель ОБЖ Мценской гимназии, по пристрастиям охотник.

Местная художница Ольга Прокопова очень даже здорово его в охотничьем обличе

нарисовала, а вот Мишка-сыниска ну вообще без интереса к животным и чучелам.

Да Сергей спокоен, понимает: жизнь штука переменчивая, да и не всегда нужно, чтоб